

«Искусство как отпечаток пальца»
Со Здиславом Бексинским разговаривает Валдемар Семиньски

Чем по твоему мнению ты обязан художественной литературе?

Я уже давно ни что не читаю. Время от времени «ДИАЛОГ» и это всё... У меня как-то с чтением скончилось. Был такой период сгущённого чтения, кажется что он пришёл где-то между 24 и 30 годом жизни – я переживал опозданное душевное созревание, я проходил перемену из инженера в художника, работая одновременно в строительстве. Я читал грандиозное количество книг, используя на это каждый свободный момент, который я украл предприятию или семье, однако потом это всё больше началось заканчиваться, я всё больше погружался в своей творческой работе, в результате чего была она причиной совершенного покидания моей обучённой профессии, т.е. архитектуры...

Я ещё немного читал в годах 1963-70. Это был период обаяния эзотеризмом, на который моё внимание обратил Анджей Урбанович, но то что я тогда пересматривал, это были скорее всего учебники, рассуждения, эссе, полемики наконец также сутры, разъяснения и записки Святых Мужей – мало чистой литературы. У меня были бы большие затруднения, если надо бы было найти в моих картинах следы литературы для чтения. И этой старшей, и этой более современной. Кафка, Достоевский, Борхес, Томас Манн, Шульц, Гомбрович, Виткацы, Роб-Грийе, Ионеско, Кубин, Оруэлл, Мейринк и т.д., идиотская путаница фамилий: большие и средние, визионеры и классики, где искать у себя деформированные отклики той литературы для чтения? Есть одна книга, которую я прочитал недавно, именно в годы 1968-70. Это *Сивилла и Паломник* Лагерквиста. Я читал это во время болезни, потому что у меня не было ничего другого, я читал с трудом и сопротивлением, однако эта книга удивительным образом растёт в моём воспоминании до этого, что сегодня я бы опасался сопоставления с оригиналом. Чем труднее мне было её читать, тем более красивая она представляется как воспоминание. Однако в этом случае кажется, что у меня не было бы трудностей с доказанием влияния на то, что я пишу. Я не исключаю здесь какой-то парамнезии.

Ты упомянул, что читаешь «Диалог». Кажется, что это вытекает из трудностей, которые у тебя появляются в Санюке если речь идёт об общении с живым театром?

Театр я просто ненавижу! Ненавижу! И тем более его ненавижу, чем он нарушает барьер отгораживающий зрителя от актёра. Это глубоко укоренное чувство нежелания и боязни – возможно, что наслоенные оговорки являются только рационализацией подсознательных комплексов

или просто психической травмы – даже я этого не знаю. Конечно склонность к театральным пьесам в форме литературы для чтения это совсем другое дело, кажется, что я знаю больше современных пьес, чем современных романов. Живой театр это, прежде всего, живой актёр. Связь с живым актёром это для меня так стесняющее как связь с лицом, которое всё время хватает меня за руку, а я ненавижу когда хватают меня за руку; как связь с лицом, которое всё время поддерживается моего плеча, а я ненавижу такого поддерживания; как связь с другом со школьных лет, который хочет меня расцеловаться, а я ненавижу когда друзья со школьных лет расцеловывают меня!!! Я не хочу, чтобы кого-то обидеть тем, что сказал. Это какое-то увечье внутри меня, а не вина театра, актёров и т.д.

Есть ли художники – современные или бывшие особенно близки тебе? Если да, почему ты им дорожишь?

Да ведь я живописью почти не интересуюсь! Я издавна не был на никакой выставке, не исключая своих. Из факта, что я пишу не надо делать так значительных выводов! История искусства это что-то такое о чём я не имею больших знаний: это такой суп, в котором время от времени блескает что-то меньше аморфное, или Леонардо, или Пикассо, впрочем не переоценяй этой идентификации – я уверен в том, что я бы не смог перечислить и опознать больше чем три картины Леонардо и возможно столько картин Пикассо – в общем это всё делает меня скорее всего равнодушным. Собственными глазами я смотрю не больше как две низкопробные картины в год а также несколько репродукций. Эта статистика может также значить, что один раз в пять лет я на выставке и один раз в несколько лет я смотрю альбом с репродукциями в приёмной у зубного врача, если у зубного врача есть такой альбом, а нет чего-то более интересного. Время от времени мне что-то из этого нравится, но это совершенный случай, что я на это наткнулся, впрочем я не напрягиваюсь, чтобы запомнить фамилии... Зачем? Между десятью тысячами вещей, которых я никогда не смотрел и никогда не увижу, наверно есть не меньше, чем сто вещей на много больше достойных запомнения. Одним словом живопись интересуется меня немного, я не ищу встречи с ней, я с ней встречаюсь случайно непринуждённым способом, как с деревом или коровой. Если я что-то ищу, использую, чем-то увлекаюсь, то такой вещью является прежде всего музыка. Кроме этого я немного интересуюсь фильмом...

Так ты посещаешь кинотеатр? Я не знал об этом?

Нет, я почти не посещаю кино уже со многих лет. Просто моей мечтой, которая до сегодняшнего дня не минула, было стать кинорежиссёром. Жизнь как-то не позволила её осуществить. Отсюда увлечение фильмом или скорее всего ряд собственных концепций кино. Фильм это для меня потенциальная сила, но по разным причинам не используемая. Конечно, с моей точки зрения. Идеалом для меня был бы фильм, который становится музыкой, но речь не идёт про эти пустяки с пульсирующими красками и протекающими формами или другие похожие, но фильм которого драматургией в сфере не только хронологической, но также визуальной руководствовались бы правила похожие правилам музыкальной архитектоники, а не литературный сюжет. Литературный сюжет в фильме это для меня что-то так не интересное, что даже раздражает меня. В лучшем случае могу принять его как непереносимое зло. Может воспользуясь примером, я объяснил бы тебе в чём дело, когда я говорю о музыкальном фильме в смысле конструкции, итак, например некоторые фрагменты *Рима* Феллини хотя бы секвенция въезда грузовика с операторским краном а также машины с режиссёром в город – я захотел аплодировать, когда это увидел, или сцена ночных пробегов мотоциклов... Феллини в каждый момент становится чистой музыкой, но также в каждый момент погружается в литературу. Мне кажется, что он боится упрека в том, что мало имеет к высказанию, поэтому также время от времени говорит... Каждый комментатор культуры телевидения имеет столько к высказанию, что надо бы прямо ставить памятники и втискивать короны на головы людей, которые ничего сказать не хотят... Это не имеет большого значения, я отбегаю от темы, собственно говоря в моём случае речь идёт болле о музыке, чем о фильме, музыку в конечном счёте я слушаю 10-14 часов в каждый день. Конечно исключительно музыку из магнитофонной ленты, по радио и из компакт-дисков, которых я имею сотни. Это мне отлично заменяет не только просмотр на картины, но также чтение книг.

Кажется, что ты слушаешь исключительно *pop-music* (поп-музыку)?

Откуда это мнение? Я, конечно, слушаю много *pop-music* (поп-музыку), но не исключительно! В музыке я совсем не разбираюсь, продолжающееся несколько лет барабанение в рояль в детстве, во время которого моя учительница больше внимания обращала на то, чтобы у меня были ослабленные суставы, чем на то, чтобы мне объяснить, что в сущности я делаю, ведь она ничему меня не научила. Я это вспоминаю как кошмар, которому конец поставила потеря вследствие взрыва пальцев левой руки. Итак, я принадлежу Клубу Воющей Собаки и музыку я воспринимаю лишь нутром, как бы это сказал Виткацы. Слушаю же её много, целыми часами, я, как обычно говорят, хорошо знающий музыку, хотя ясно, что это не

систематичные знания, кроме этого, мне всё постоянно путается, поэтому ради бога не экзаменуй меня с фамилий, стилей, влияний... В общем я люблю музыку, тем более я подходящий человек для воспринимания нутром, итак, прежде всего люблю вторую половину XIX века, а также само начало XX, новейшую музыку также, но с некоторыми оговорками: я скорее восхищаюсь звучанием, инструментовкой, зато сочинения рассматриваемые как одно целое в большинстве случаев для меня не достаточно экспрессивны, не достаточно нагружены чувством – конечно это не критика с моей стороны, просто я не годеи такого типа воспринимания, которое мне нужно, и которому я привыкнул. В оним чувственном или нутряном воспринимании музыки мне помагаает адская акустическая система в мастерской- всегда всё для меня не достаточно громко, в результате чего я беспрерывно ищю идеального усилителя, который не деформируя звука будет вырывать окна из косяков. Меня осматривали, у меня нет нарушения слуха, но у меня есть такая нужда, чтобы музыка буквально давила или разорывала в клочья. Однако оказывается, что после четырнадцати часов беспрерывного слушания, только музыка позволяет мне одновременно за всё это время писать стоя и совсем не обращать внимания на усталость – это стимулятор сильнее кофе! Конечно, есть целые пространства музыки недоступной мне, собственно говоря почти всё, что было до второй половины XIX века для меня слишком далеко и слишком сложно в восприятии. Бетховен мне надоел и он мучит меня, может меньше некоторые фортепьянные и скрипичные сонаты, но симфонию слушать не умею, хотя я многократно пробовал и знаю их почти наизусть, ещё хуже с барокко, а ведь я постоянно слушаю всё, что только доступно на компакт-дисках, я просто пытаюсь привыкнуть и то по собственному делу, потому что для кого-то, кто слушает музыку 10 часов и более в день, ей всё время мало, я хотел бы добиться каких-то новых, подходящих для эксплуатации полос, каких-то новых пастбищ – я отношусь к этому как к пици – но трава там несъедобная, прозрачная конструкция и недостаток чувства, наверное оно где-то находится, но у меня нет ключа и привыкание к этому *par force* ничего не изменить. Когда я слышу Скрябина, то сейчас же весь мой организм подвергает будто подключению звукам наполняющим мастерскую – уже нет музыки, которую слушается, а звуки и я образуем одно целое, я чувствую себя как змея загипнотизирована дудкой факира, как собака реагирующая на губную гармонику... Когда я слушаю вариаций Бетховена по теме Антонио Диабелли я остаюсь совсем холодным и критическим – я знаю в чём дело, я следую за идеей конструкции, но вещь для меня просто скучна и всё. Здесь для меня нет возможности сочленения с музыкой – просто существует ей восприятие, и ничего больше. Конечно, в рамках того что люблю и что люблю в меньшей степени, а даже среди вещей, которых я в сущности не люблю, например Баха, есть вещи, которые я слушаю с

удовольствием, и такие которых я почти совсем не слушаю. В этом предложении только мнимое противоречие. Собственно говоря, я люблю прежде всего музыку грустную, трагическую, патетичную, экстатическую, грандиозную, меланхолическую, наконец неврастеническую, а даже гротесковую и персифляжовую, но откровенно ненавижу музыку жизнерадостную, весёлую, полную воодушевления и юмора, лёгкую, шуточную, народно-бравурную и так далее, я ничего с этим не сделаю, мне, пожалуй, не надо перед тобой оправдываться в собственных вкусах, даже я их не понимаю. Кроме этого, я также очень люблю музыку жёсткую, ритмическую, стереотипную, раньше это был джаз, со многих уже лет это музыка поп, а прежде всего стереотипные группы хэви-рока и хард-рока. В сущности в слушанию я могу переходить прямо от Брукнера к группам Budgie или Nazareth – на много труднее переход от Брукнера к Бетховену, несмотря на то, что этот путь более вытопан.

Считаешь ли себя авангардным художником и что вообще думаешь о авангарде в живописи?

Меня не занимают споры между авангардой и традиционалистами, к тому же думаю, что эти споры меня не касают. У меня к этому всему похожее отношение, какое наверное имел бы гностик соприкоснувшись со спорами последних двух веков европейской философии. Я ещё раз подчёркиваю, что из факта, что я пишу картины не обязательно должен вытекать интерес к эстетическим вопросам. Человек, который попал в море, должен плавать, но это совсем не обозначает, что у него сразу родится интерес к стилю плавания, мировому плаванию и его истории. Он просто плавает, чтобы не утонуть – впрочем он всё-таки утонет, это просто порыв, инстинкт самосохранения, или другая не дающаяся назвать причина. Я начал писать, пишу и буду наверно писать по двум причинам. Первая это причина, вторая – цель. Причина это что-то такое не дающееся проанализировать, она таинственная и исчезает в мраку раннего детства. Я могу лишь неясно догадываться, что вызвало у меня то, что с самого раннего детства я просто имел влечение к рисованию всего, что пришло мне в голову. Годы привыкания и укрепления в стереотипе произвели нужду создания, которой я ничем не мог заменить. Цель же создания слишком безнадёжный, слишком циничный. Безнадёжный, потому что я хотел бы этим единственным доступным мне способом побороть смерть и остаться в виде своих картин, а циничный, потому что я понимаю, что именно произведение это единственная святая корова европейской культуры и как святая корова имеет большие возможности, чем что-нибудь другого на уважение, заботу и выдержку.

Что ты бы признал безвкусицей в искусстве? Какое твоё отношение к безвкусице?

Нужда определения чего-либо безвкусицей мне совсем чужда. Из положения, из которого я смотрю на творчество, безвкусица не существует. Плоды творчества для меня тем превосходные, чем более определяют личность, которая их породила. Они являются чем-то таким, что я сравнивал бы с отпечатками пальцев рассматриваемых с точки зрения дактилоскопии. Если забросится эстетика, тогда нет уже отпечатков пальцев эстетически лучших или хуже. Остаётся лишь удостоверение личности. Это, конечно, не обозначает, что с каждым кто оставляет отпечатки пальцев, я бы с удовольствием провёл отпуск на необитаемом острове, некогда пятиминутная встреча в трамвае могла бы быть слишком утомляющая, тем не менее похожее оценивание имеет уже характер исключительно общительный. Похоже с определением «безвкусица» для эстетов. То, что одни считают безвкусицей, вторые уже нет. Что-же достойно определение будущее лишь оскорблением? Я отдаю себе отчёт в том, что вопрос, который ты задал имеет свой подтекст: можно догадываться, что с точки зрения обиходных мнений часто считается, что в моих картинах я сознательно использовал безвкусицу, а я являюсь энтузиастом так называемой эстетики безвкусицы. Я гарантирую тебе, что это не так...

Этим способом мы остановились перед вопросом графомании и пиктомании – это ведь также тот отпечаток пальца, который ты требуешь.

Да, конечно. Это именно тот отпечаток пальца. И так что ж? Ясно, что сложно найти чистую графоманию, потому что она нигде не выступает в совсем бескорыстной форме. Следовательно мы можем говорить лишь о тенденции. Но во всяком случае если в каком-либо творчестве мира есть для меня что-нибудь ценного, то это есть, прежде всего, элемент графомании. Я уточню здесь кое-как, что этот термин значит для меня лично. Итак, мало важную необходимость, прямо принуждение экспрессии личных или считанных личными душевных содержаний. Независимо от среды, от того утверждает ли она эти содержания или отрицает их, они модные или немодные, за их провозглашение вешают ли медаль на груди или заключают в тюрьму. В каждом графомане я вижу душевного брата, хотя это не всегда брат интеллектуальный. Впрочем, я уже об этом упоминал. Возможно, что ты ещё неточно меня понимаешь, поэтому я использую отрицание. Нет для меня ничего больше чужого, чем художник употребляющий своё искусство для целей, которые не являются его личными целями, но на заказ определённых меценатов, всё равно – это

частные или государственные лица. Такой подход внушает не столько моё отвращение, сколько есть для моего тела непонятый, похоже как дыхание жабрами под водой. Художники того типа являются для меня существом из другого измерения чем я один. Ничто не связывает меня с ними кроме некоторых технологических связей в самом механизме творчества.

Следовательно, что ты думаешь о значении художественной критики?

Я не критик, не задаю себе похожих вопросов. Если поверить, что бог говорит губами каждого человека, а я в это верю, то из губ других людей, в этом числе также критиков, можно услышать собственные мысли, о которых мы лично ещё не подумали. При такой трактовке критик был бы совестью художника.

А какие в таком случае круги среды и художественные течения тебе кажутся, просто как наблюдателю, самыми интересными?

Мне кажется, что комикс, поскольку ты захочешь назвать его художественным течением – я на все ваши классификации не очень хочу согласиться, поэтому может с твоей точки зрения я высказываюсь не на тему. Я слушал какое-то время тому назад телевизионной дискуссии охваченных ужасом литераторов посвящённой между прочим тому, как бороться с комиксом. Кажется, что надо бы говорить о том, каким образом его использовать для собственных целей! Вот язык подходящий для самого всеобщего восприятия, а интеллектуалисты уже хотят бороться с ним. Впрочем я не помню – борются ли с позиции Авангарды или с позиции Окопов Святой Троицы, даже кажется *viribus unitis*! Не подвергает сомнению, что комикс как до сих пор не породил своего Достоевского, но это не обозначает, что не будет в состоянии породить его, также это не обозначает, что дело в том, чтобы *Бесы* возникли в форме комикса! Просто комикс это инструмент, и как мне кажется, инструмент с очень широкими возможностями. Сегодня препятствует муравьиная работа рисовальщика, осложняющая, а в большей степени делающая невозможным импровизацию, без которой трудно представить себе творчество, но если процесс возникновения рисунков удалось бы частично автоматизировать, или компьютеризировать, похоже как это уже сегодня есть при мультфильмах, тогда скорость делания рисунков можна бы приблизить или уравнить со скоростью писания книги...

Почему ты постоянно живёшь в небольшом отдалённом городе и не переезжаешь в какой-то большой городской центр?

Ты задаёшь два вопроса под предлогом одного. А важнее этот скрытый, поэтому я скорее всего отвечу на него. Что обозначает слово «отдалённый»? отдалённый от центра мира. Разве я тебе ещё не упомянул, что я открыл, что середина поверхности земного шара находится в моей комнате, а я даже вбил там гвоздь в пол? Это Варшава отдалённая от этого гвоздя, а не Санок. Если *a propos* этого скрытого вопроса я бы осмелился упрекнуть польскую культуру, это именно в этом ощущении отдаления от чего-то, что находится где-то, откуда нас должны заметить и похвалить или признать своим. Такой вечный, сильно укоренный комплекс усердного ученика или послушного сына, к которому не хотят признаться родители. Никто никогда не будет собой, если всё время будет оглядываться, замечают ли его эти из Середины Мира или нет. Середина Мира там, где я один сижу и это не косность, изоляционизм, ксенофобия, но ощущение личной исключительности и оригинальности. Что-то похожее писал Гомбрович...

Гомбрович сказал, что то, что может сделать подлинный писатель, это открыть свой комизм и стыд. Как ты думаешь, это выражение имеет какой-то смысл в живописи?

Если искусство будем рассматривать как отпечаток пальца, то обнажение себя является шагом вытекающим из принятых концепции. Но это героический подход и имеет возможность лишь на частичную реализацию. Кроме этого, нуждается в специфичном раздвоении личности, разделении на «себя-наблюдателя» и «себя-наблюдаемого», итак это вид невроза. Я не уверен в том, что он выступает у всех людей – так говоря об этом я подвергаю себя недоразумению. Мне, конечно, не надо специально останавливаться на том, что так называемое скандализирование чаще всего не является обнажением себя, но облачиванием уместной маски авторазоблачителя... Для кого-то, кто более тщательно посмотрел бы на свои картины, не было бы трудно заметить, где находится у меня анклав посвящаемого комизма и стыда.. Может быть он один из нескольких, но в данный момент я о нём хотел бы говорить: у меня глубоко укоренная склонность к театральности, к пафосу совершенно наивная. Когда мне надо представить первую, визуальную ассоциацию со словом ИСКУССТВО, я сейчас же вижу девятнадцативечный эстамп, изображающий молодого человека в живописно накинутой пелерине и театрально позирующего на скале. Это или Байрон или Пушкин, в нём также что-то из картин представляющих Наполеона на Эльбе. Я наверное никогда такого эстампа не видел, но это компиляция нескольких запомнитых картин пополненная воображением. На горизонте видно бушуют морские волны и метаящий ими парусник. Небо закрыто кучевыми облаками, а облака перерезаны громом. На его фоне могли бы

ещё летать чёрные птицы, а на ветке засохнутого дерева мог бы трепаться висельник. Я, как видно, лишён всяких тармозов так называемого «хорошего вкуса». Конечно, «я-наблюдаемый», потому что «я-наблюдатель» имею этих тармозов даже слишком много! На их возникновение сложилось всё моё воспитание, которое велело мне в XIX веке видеть крайний упадок искусства. Существовало, однако, внутри меня, выросло возможно на почве упрямства, тем не менее со многих, многих лет очень глубокое убеждение, что искусство начинается только тогда, когда на зените загорает семь солнц, а чёрные тучи закроют остатки неба, ударит молния, разорвётся занавес в храме, пойдёт кровавый дождь, отовсюду миллион змей и мёртвые поднимутся из могил. Кроме этого, желанный будет голос из неба или из-под земли и другие похожие. Я пытался без эмоции включить в это действие, как-то встроить, например телефон или теннисную ракету или наконец какой-нибудь более очевидный и уточнённый десигнат современности- не повезло. Следовательно я думал, что дело в архетипах. Туча, солнце, молнии, океан я готов проглотить, но что сделать с гробом, парусником, пелериной, верёвкой? Это не архетипы, но просто стаффаж поднятый из свалки культуры во время лет образования. «Я-наблюдатель» превосходно умею «себе-наблюдаемому» испортить аппетит на личную картину. Личную в кавычки и то даже удвоенные... Потому что, во-первых, даже архетип не является чем-то личным, а стаффаж взятый из второй или третьей руки... жаль болтать. Но как выяснить уже не только влечение, но не дающуюся просто овладеть нужду, с которой «я-наблюдатель» беспрерывно коплю в именно этом районе свалки, где находятся змеи, трупные головки, ядовитый сорняк и мёртвые ведьмы, а не там, где зацвели цветки и играют дети? Вопрос имеет риторический характер, потому что «я-наблюдатель» готов дать тебе рациональное объяснение. И так далее, и так далее. Та двойственность, амбивалентность, влечение, а одновременно стыд и отсутствие уверенности, реагируют ли другие люди так же сильно как я на весь этот макбетовский суп ведьм, вызвала у меня прочную дистанцию к всему, что связано с явлением собственной экспрессии снаружи. С одной стороны я мечтаю о том, чтобы высказаться откровенно и без промолчания, итак в старорусском стиле, с разодранием рубахи на груди и кланянием в пояс Земли, с другой стороны, как это время от времени бывает в снах, я бы предпочитал на всякий случай стоять с бока и мультиплицировать манекена, который делал бы это вместо меня, но «искусственным» образом, так всегда я бы мог вывернуться: это не я, это лишь кукла, вы ведь видите, что я использую её, только для совсем других целей, чем вы думаете – не отождествляйте её, пожалуйста, со мной. Кажется, что это бросается в глаза в абсолютно каждой картине. И здесь лежит оно ребёнок Гомбровича...

Ты известный как художник технически идеальный. У тебя есть впечатление, что ты всё время исправляешь свою мастерскую?

Я известный из этого? Именно вчера обратились ко мне с этим вопросом в интервью для Радио. Так кажется, что да... Но это именно превосходная тема для рассуждений о слепоте на технические вопросы потребителей искусства. Ведь бьёт меня на голову вся свора второстепенных живописцев конца XIX века. У меня гигантские технические препятствия в писании – мне пишется очень трудно: с истинным усердием я бы скорее согласился со всеми, которые говорят, что я пишу просто плохо, если раньше они только определили бы, что для них является хорошим писанием. Так как очень часто то, что другие считают хорошим писанием, я считаю также плохим писанием, а даже время от времени хуже своего. Ибо нельзя отсечь вопроса достижений или отсутствия достижений от вопроса цели, которую я перед собой поставил, и оспаривать которую не имею намерения разрешить никому. Если речь идёт о поставленной перед собой цели, то я стремлюсь к тому, чтобы картина составляла цветную фотографию видения. Развитие мастерской в моём случае было бы исключительно приближением к идеалу цветного фотографирования мечт.

Но что ты понимаешь через слово «видение». Это просто сознательная идея или подсознательный импульс?

Для меня видение, которое стоит в начале познания картины или рисунка, и которое с грехом пополам можно назвать также идеей, является как бы-картина чего-то, что существует в как бы-действительности и что, не до конца определённым способом, если речь идёт о львиной части деталей, появляется очень быстро в уме как закрытое целое. Целые годы регистрирования этих идей вызвали ещё то, что видение является как бы готовым рисунком или масляной картиной, даже некогда известно, что должно быть написано гладко или толсто. Значит на первый взгляд это видение уже как бы переработано и как бы утилитарно. Только писать. К сожалению, отчётливо видны только некоторые вещи, часто так неполны визуально как «движение полно страха» или «жест полный гордости». Обычно видно больше, но всё-таки во многих местах просто или нет ничего, или есть что-то не до конца определённое, чего не удалось точно зарегистрировать в памяти во время продолжения видения, которое обычно чрезвычайно коротко, не больше секунды. Итак, проблема со «сфотографированием» этого всё-таки существует. Следует ли эти пустые места оставить как у Караваджо чёрными, или заполнить их цветным туманом как на картинах Турнера, или просто подбавлять выдуманные детали, которые не портили бы климата и выражения первоначального видения? Здесь создаётся место на оные черепы, гробы, змеи и ведьмы,

которые ждут только того, чтобы по принципу *horror vacui* вникнуть в каждый свободный фрагмент картины. А кроме этого я ведь их стыжусь, так прежде чем разрешится им вникнуть, надо их как-то взять в кавычки, покрасить, залгать. На всё это у меня, к сожалению, нет способа и мои картины, те более турнеровские или те более педантичны и перегружены, являются беспрерывным полным оттолкновением пробованием, которого окончательным результатом до сих пор является всегда упадок. *A propos* я хотел бы здесь добавить, что чтение с моих картин символических содержаний в популярно-историко-эстетическом понимании символизма является пробиванием на ауто. Я не считаю, чтобы моё видение изменилось, когда королева будет заменена коровой, а лес стадом птиц. Тожественность помещается не в предметных значениях, но в настроении или может скорее в выражении, которое я бы желал передать. Передаю ли его- это совсем другое дело.